

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-85-95>

Дневники экспедиции как дискурсивная практика (параметры описательной модели): постановка проблемы

Екатерина Николаевна Катышева¹, Светлана Владимировна Волошина²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ uu-kate@yandex.ru, 0009-0003-0291-7576

² vsv1304@yandex.ru, 0000-0001-9860-0159

Аннотация

Статья посвящена разработке описательной модели дневника фольклорной экспедиции как дискурсивной практики. Рассматриваются различные виды дневников, проблема их внутрижанровой типологии, аспекты изучения, номинации дискурсов, включающих тексты этого типа. Актуальность исследования определяется вниманием представителей разных гуманитарных наук к эго-текстам, созданным «простым» человеком, развитием междисциплинарных отраслей, таких как автоэтнография, автобиографические исследования, история повседневности, memory studies. Вместе с тем актуальность обусловлена необходимостью выявления и описания разных типов дискурса, в частности дневникового дискурса и его разновидностей. К исследованию привлекаются 56 дневников, созданных студентами филологического факультета Томского государственного университета во время летних фольклорных практик с 1960 по 1980 г., проходивших в селах Томской, Новосибирской, Кемеровской областей. В этих дневниках студенты фиксировали свои впечатления, описывали работу в селах, общение с носителями фольклора, а также собранный материал. Новизна исследования определяется аспектом их изучения – впервые дневник экспедиции рассматривается как дискурсивная практика и впервые изучаются данные дневниковые тексты. В работе рассматриваются ключевые маркеры дневника экспедиции как дискурсивной практики, а также обоснована необходимость их анализа с данной точки зрения. На основании существующих описательных моделей и особенностей исследуемого материала предлагается описательная модель дневника фольклорной экспедиции. Представляемая модель включает следующие параметры: социально-культурный контекст дискурсивной практики (сфера, институт, социальные группы, число коммуницирующих); коммуникативная цель, коммуникативные стратегии, описание интердискурсивных вкраплений; длительность дискурсивной практики; участники коммуникации (образы автора, адресата, информанта); композиция; хронотоп; речевые жанры; концептуальная насыщенность; задействованные средства (вербальные/невербальные). Данная модель апробирована на изучаемых дневниках: выявлено, что они отражают экстралингвистические условия их создания, в них автор и адресат не всегда совпадают, время и пространство выражены эксплицитно; в структуре дневника встречаются речевые жанры назидания, приветствия, прощания и др., одним из ключевых концептов выступает концепт «путь», языковое воплощение характеризуется богатым репертуаром лексических и грамматических средств.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная практика, дневниковый дискурс, дневник, дневник практики, дневник экспедиции, полевой дневник

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

Для цитирования: Катышева Е.Н., Волошина С.В. Дневники экспедиции как дискурсивная практика (параметры описательной модели): постановка проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 6 (242). С. 85–95. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-85-95>

THE RUSSIAN LANGUAGE

Expedition diaries as a discursive practice (descriptive model parameters): problem statement

Ekaterina N. Katysheva¹, Svetlana V. Voloshina²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ uu-kate@yandex.ru, 0009-0003-0291-7576

² vsv1304@yandex.ru, 0000-0001-9860-0159

Abstract

The article is devoted to the development of a descriptive model of a folklore expedition diary as a discursive practice. Different types of diaries, the problem of their intra-genre typology, aspects of study, nomination of discourses that include texts of this type are considered. The relevance of such a study is determined by the attention of representatives of different humanities to ego-texts created by an 'ordinary' person, the development of interdisciplinary branches such as autoethnography, autobiographical studies, history of everyday life, and memory studies. At the same time, the relevance is conditioned by the need to identify and describe different types of discourse, in particular diary discourse and its varieties. The study involves 56 diaries created by students of the Faculty of Philology of Tomsk State University during summer folklore practices from 1960 to 1980 in the villages of Tomsk, Novosibirsk and Kemerovo regions. In these diaries the students recorded their impressions, described their work in the villages, communication with folklore bearers, as well as the collected material. The novelty of the study is determined by the aspect of their research – for the first time the expedition diary is considered as a discursive practice and for the first time diaries of this type are studied. The paper examines the key markers of the expedition diary as a discursive practice and substantiates the need to analyze them from this perspective. Based on the existing descriptive models and the peculiarities of the material under study, a descriptive model of the folklore expedition diary is proposed. The model includes the following parameters: socio-cultural context of discursive practice (sphere, institution, social groups, number of communicators); communicative purpose, communicative strategies, description of interdiscursive inclusions; duration of discursive practice; participants of communication (images of the author, addressee, informant); composition; chronotope; speech genres; conceptual saturation; means involved (verbal/non-verbal). This model has been tested on the diaries: it has been revealed that they reflect the extralinguistic conditions of their creation, the author and addressee do not always coincide, time and space are expressed explicitly; in the structure of the diary there are speech genres of edification, greeting, farewell, etc., one of the key concepts is the concept of "Way", the linguistic embodiment is characterized by a rich repertoire of lexical and grammatical means.

Keywords: *discourse, discursive practice, diary discourse, diary, practice diary, expedition diary, field diary*

Acknowledgments: This study was supported by grant No. 25-18-00466 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

For citation: Katysheva E.N., Voloshina S.V. Dnevniky ekspeditsii kak diskursivnaya praktika (parametry opisatel'noy modeli): postanovka problemy [Expedition diaries as a discursive practice (descriptive model parameters): problem statement]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 6 (242), pp. 85–95 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-6-85-95>

Введение

Инвентаризация и описание различных типов дискурса, установление их взаимодействия являются актуальными задачами современного языкознания. По мнению А.А. Кибрика, «важно исследовать дискурсивное разнообразие как таковое» [1, с. 16].

Дневник – это не только «совокупность текстов, представляющих собой ежедневные записи, наблюдения дел, текущих событий, общественной или личной жизни, расположенных в последовательности, хронологически обуслов-

ленной»¹, но и сложный дискурсивный конструкт.

С одной стороны, существует многообразие типов дневников: бытовой дневник [2], личный дневник [3], сетевой дневник [4], духовный дневник [5], литературный и нелитературный дневники [6], блокадный дневник [7], полевой дневник [8], дневник экспедиции [9], дневник-путешествие [10], промысловый дневник [11],

¹ <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh>

крестьянский дневник [12], дневник наблюдений [13], географический дневник [14], дневник производственной практики [15], спортивный дневник [16], школьный дневник [17] и др.

Вследствие этого типологизация дневниковых текстов осуществляется на разных основаниях. Многие из них могут быть обозначены несколькими характеристиками – сетевой личный дневник, личный дневник подростка, личный дневник художника, производственный дневник наблюдений и т. п., а однотипные дневники могут иметь разные номинации. Е.Г. Новикова предлагает внутрижанровую классификацию дневниковых произведений на основании таких критериев, как критерий документальности (художественный, документальный, производственный дневники), психологический критерий (дневники экстравертивного, интравертивного и осциллирующего типа), возрастной критерий (дневники периода индивидуации, дневники зрелого возраста и дневники, начатые во второй половине жизни), структурно-организационный критерий (дневники с непрерывной и дискретной композицией), дискурсивный критерий (личные и общественные дневники), тематический критерий (бытовые, бытийные и общественно-политические дневники), критерий межжанрового взаимодействия (путевой дневник, дневник-летопись, дневник в письмах, творческие дневники, дневники-воспоминания) [18]. Таким образом, можно отметить, что дневниками называют очень разные тексты.

С другой стороны, столь разные типы дневников высвечивают проблему отнесения их к определенному типу дискурса. С.Ю. Неклюдов причисляет дневники вместе с другими типами рукописных текстов, созданных непрофессиональными авторами, к «наивному» дискурсу, отмечая, что еще не существует общепринятого обозначения для текстов дневникового типа и его предстоит найти [19]. А.В. Лашкевич определяет личные дневники как основной жанр «дискурса персональности» [20, с. 10]. Вместе с тем исследователи относят дневники к автобиографическому дискурсу [21], а также к дневниковому дискурсу [22–24].

Суммируя приведенные выше классификации, внутрижанровую характеристику дневника фольклорных экспедиций можно определить как производственный, путевой дневник, осциллирующего типа с непрерывной композицией, служебный, относящийся к дневниковому дискурсу, реализующемуся в различных дискурсивных практиках.

Цель данной статьи – разработать описательную модель дневника экспедиции как дискурсивной практики.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 56 дневников (объемом от 4 до 40 тетрадных листов), созданных с 1960 по 1980 г., по итогам фольклорных экспедиций студентов Томского государственного университета (ТГУ) в села Томской, Новосибирской, Кемеровской областей. Студенты историко-филологического факультета ТГУ после первого курса обучения проходили ежегодную летнюю фольклорную практику, во время которой вели дневники и фиксировали в них от руки свои впечатления, описывали работу в селах, общение с носителями фольклора.

Актуальность исследования дневников такого типа связана с интересом современных гуманитарных наук к «простому» человеку и созданным им эго-текстам, с вопросами идентификации их жанровой, дискурсивной природы, поскольку они представляют собой дневники неклассического типа и возникают в определенной ситуации – во время фольклорной практики, являясь одним из вариантов дневников, требующих отдельного описания. Современные исследователи видят в подобных дневниках ценный источник для изучения региональной диалектологии [9, 25, 26]. Л.Ю. Зорина обращалась к изучению особенностей жанра и типологии дневниковых текстов студенческих диалектологических экспедиций [9]. Исследований, которые бы рассматривали дневники такого типа с точки зрения дискурсивного и лингвистического анализа, не проводилось.

На сегодняшний день нет единого подхода к определению понятия «дискурсивная практика». По мнению М. Фуко, дискурсивная практика есть «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [27, с. 227]. Ученые дают различные трактовки данного понятия в зависимости от области исследования. В рамках социологического подхода Н.А. Ипатова определяет дискурсивную практику как один из «видов социальной практики, определенной наличием текстов (в широком смысле) как преимущественных средств реализации данной социальной практики» [28, с. 3]. Л.В. Куликова понимает дискурсивные практики «как социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального

и неинституционального общения» [29, с. 10]. И.Е. Ильина, О.Н. Морозова отмечают, что «дискурсивная практика представляет собой общую тенденцию людей вести себя похожим образом в различных ситуациях, особенно в аспекте речи» [30]. О.С. Иссерс делает вывод, что «понимание дискурсивной практики – так же, как и любой социальной практики, – базируется на ее осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении» [31]. У Е.Н. Молодыхенко и В.Е. Чернявской дискурсивная практика – это «социальная практика в ее речевом оформлении, т. е. как массив соотносимых с социальной практикой текстов» [32]. Суммируя приведенные определения, выскажем предположение, что дневники экспедиции можно рассматривать как дискурсивную практику: они обладают всеми названными исследователями признаками, а также основными маркерами дискурсивной практики, выделенными Е.А. Никоновой: участники практики используют повторяющиеся речевые модели, которые помогают объяснять, убеждать, договариваться с информантами; дискурсивная практика закреплена за конкретной коммуникативной ситуацией – фольклорной практикой; данная дискурсивная практика определяется социальной практикой (учебной студенческой практикой), в частности традициями общения старшего и младшего поколения, городского и сельского населения; дискурсивная практика характеризуется устойчивостью, но подвержена модификации; дискурсивная практика – не просто набор лексических единиц, а совокупность языковых средств для реализации речевых стратегий [33].

Дневник экспедиции можно квалифицировать как дискурсивную практику по ряду других оснований. Во-первых, рассматриваемые дневники сложно отнести к определенному типу дискурса. Как было упомянуто ранее, исследователи относят дневники к различным видам дискурса в зависимости от типа дневника, кроме того, «один и тот же речевой жанр может быть ядерным для одного дискурса и периферийным для другого» [34, с. 13]. Дневники студенческих фольклорных экспедиций, с одной стороны, можно отнести к дневниковому дискурсу как основному, охватывающему все многообразие дневниковых текстов, а с другой стороны, данные тексты находятся на периферии фольклорного, образовательного, туристического и научного дискурсов. Во-вторых, более тесная связь с социальным контекстом, конкретной ситуацией общения (фольклорная экспедиция), участниками, ориентация на социальные отношения позволяют рассматривать данные дневники в аспекте дис-

курсивной практики как более контекстно-зависимой структуры, следуя подходу Н. Фэркло, который определял уровень дискурсивной практики как связь текста и социальной практики [35]. В-третьих, дискурсивная практика в нашем случае выступает средством выражения нескольких дискурсов в контексте фольклорной экспедиции, что соответствует концепции Н. Фэркло о том, что анализ дискурсивной практики затрагивает вопрос интердискурсивности [35].

В процессе определения параметров для описания дневника экспедиции представляется целесообразным ориентироваться на трехмерную модель Н. Фэркло, сочетающую в себе три измерения: текст, дискурсивную практику, социальную практику. Все основные процессы, которые включает в себя дискурсивная практика, по мнению Н. Фэркло, связаны с производством, распространением и потреблением текста [35]. В свою очередь А.О. Стеблецова рассматривала любой письменный текст как «результат когнитивно-дискурсивной практики» [36].

При описании дискурсивных новаций О.С. Иссерс выделила следующие характеристики: 1) социальная сфера/институт; 2) коммуникативный канал/носитель сообщения; 3) установка/тональность; 4) взаимодействие дискурсов (интердискурсивность); 5) взаимодействие семиотических систем (интеркодовость); 6) социолингвистические характеристики; 7) лингвокогнитивные структуры (фреймы, сценарии, метафорические модели, базовые концепты); 8) коммуникативные стратегии и тактики; 9) жанровые особенности; 10) языковые маркеры [31].

В коллективной монографии «Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации» предлагаются следующие факторы: интенциональная направленность в реализации дискурсивной практики, число коммуницирующих, каналы трансляции, задействованность вербальных и невербальных средств, протяженность/длительность дискурсивной практики по времени, основная сфера воспроизводства – институциональная, повседневная [29]. А.Г. Баранов утверждал, что «когнитивная иерархия дискурсивных практик служит базой для их разбиения на речевые жанры» [37, с. 50].

На уровне речевого жанра исследователи прибегают к использованию модифицированных описательных моделей, основанных на анкете речевого жанра, разработанной Т.В. Шмелевой. Е.В. Богданова предлагает следующие параметры: 1) личность автора, 2) цель написания дневника, 3) грамматические времена, 4) монолог, 5) семантические поля, 6) просторечия, 7) вульгаризмы, 8) восклицания, 9) повтор, 10) фразео-

логизмы [38]. И.М. Вознесенская, акцентируя внимание на рассмотрении семантики дневникового текста, выделяет в его структуре две основные составляющие: 1) информативную (представляющую события) и 2) рефлексивную (отражающую результат восприятия, осмысления и эмоциональной реакции автора в связи с тем или иным событием) [39, с. 42]. Т.А. Кальщикова считает, что необходимо анализировать следующие составляющие дневника как коммуникативной деятельности: адресант, адресат, текст, коммуникативная ситуация, цель, субъектно-адресные отношения [40].

Соглашаясь с О.В. Кублицкой о необходимости комплексного подхода к исследованию путевой прозы и «учета ее жанровой, стилистической, дискурсивной и нарративной специфики» [41], предлагаем использовать описательную модель дневника экспедиции, включающую следующие параметры. На уровне дискурсивной и социальной практик: социально-культурный контекст дискурсивной практики (сфера, институт, социальные группы, число коммуницирующих); интердискурсивность; коммуникативная цель; коммуникативные стратегии; длительность дискурсивной практики; социально-исторический и социально-культурный аспекты. Поскольку, на наш взгляд, дискурсивные и социальные практики неразрывно связаны, мы рассматриваем их в совокупности. На уровне текста: участники коммуникации (образы автора, адресата, информанта); композиция; хронотоп; концептуальная насыщенность; речевые жанры; задействованные средства (вербальные/невербальные); языковое воплощение.

Результаты и обсуждение

Опишем исследуемые дневники по указанной модели.

Сферой функционирования рассматриваемых дневников является научно-образовательная сфера, а в качестве социального института, который представляет исследуемая практика, выступает студенческая учебная практика в университете. Теоретические знания, сфера научных интересов, практический опыт, полученный на практике, влияют на производство текста.

В рассматриваемой дискурсивной практике участвуют студенты, преподаватели, сельские жители. В состав студенческой группы входят непосредственно студенты-первокурсники, участники текущей экспедиции, а также в начале практики могли быть студенты других специальностей и университетов, также направлявшиеся на практику: *Наша группа: Ерошкина Ира, Булаво Тамара, Говорухина Люда, Беляева Валя. Римма*

Ивановна сказала, что материала достаточно; С нами плывут политехники, строительный отряд.

В текстах детально описываются жители сельской местности: их возраст, национальность, состав семьи, небольшие биографии, внешность и т. д.: *Здесь живет Ошкина Мария. Она мордовка по национальности; В этом смысле наиболее однородной является деревня Ильинка, где большинство населения русские, хотя мы встречали и латышей, и поляков; Населяют Горск латыши и латгальцы, русские и украинцы.* Таким образом, число коммуницирующих выявить не всегда представляется возможным, отметим лишь, что почти всегда это группа людей (группа студентов, преподаватели, информанты, их соседи и др.).

Данные социальные группы иллюстрируют пересечение педагогического, научного, фольклорного дискурсов в конкретной социальной практике.

Коммуникативная цель носит комплексный характер: доминирует фиксация полученного опыта и информации в ходе экспедиции, а также передача своих впечатлений, переживаний и эмоций: *Столько впечатлений в этот день, так и хочется все собрать в кучу и рассказать немедленно; С огромным трудом нам удалось вытянуть из них всего 4 песни.*

В дневниках можно выделить следующие коммуникативные стратегии: стратегию самопрезентации, позволяющую авторам рассказать о себе, показать себя как исследователя-собирающего, студента и т. д., выразить свои мысли и чувства; стратегию осмысления опыта, используя которую, авторы выделяют наиболее важные и значимые для себя события; стратегию субъективизации, направленную на выражение личного отношения к информации.

Период создания материала охватывает 18 лет (1960–1978 гг.), что позволяет проследить изменение письменной речи, модификацию средств фиксации информации. Дневники одной практики велись от 7 до 14 дней. С точки зрения социально-исторического аспекта, они дают возможность узнать о повседневной жизни жителей сел и деревень, а также сохранить историческую память о каких-либо событиях, о населенных пунктах, в том числе о тех, которые уже не существуют: *И как раз в Ивана Купалу отправились в д. Полозово за 10 км. (Полозово – исчезнувшая деревня в Молчановском районе Томской области России. Упразднена в 1989 г.) Нарымский край, северная точка ссылки политических заключенных при царской власти, а позже, уже при Советах, ссылали сюда раскулаченных*

преступников. В исследуемом материале социально-культурный аспект раскрыт во взаимодействии студентов как представителей городской культуры и жителей деревень как представителей сельской культуры: *Но на сегодня у нас встал вопрос: «В чем варить кофе?!» Единственное, что у нас есть из посуды, это чугунок, естественно, из чугуна, который мы выпросили у одной старушки. Кто-то из нас сказал: «Что же делать? Придется варить кофе в чугушке!» Да, этого наверно, еще ни у кого не было; Страдали еще и от жары, и от того, что пришлось одеться в платья, чтобы вызывать, так сказать, симпатию у бабушек, а в таком костюме через заборы.*

Одним из жанровых признаков классического дневника, отмеченных А.А. Зализняк, является то, что автор одновременно выступает как непосредственный адресат и как потенциальный, косвенный адресат. В дневниках студенческих экспедиций наличие образа автора и адресата сохраняет условие классического коммуникативного акта, но при этом они имеют свою специфику, отличающую их от обычных бытовых дневников [42]. В них нет тождества автора и адресата, и если и существует данная дихотомия, но только в период написания дневника, так как после экспедиции дневники сдаются руководителям практики. Автор дневников выступает не один человек, а коллектив (группа студентов), что может быть выражено как эксплицитно, когда прямо указано имя пишущего, так и имплицитно, когда меняется почерк автора: *Но дневник затем решили вести вместе – так интереснее будет.* По своим коммуникативным намерениям автор может одновременно выступать в качестве автора-исследователя и автора-свидетеля происходящих событий [43]. Отметим наличие двух адресатов: прямого и косвенного. В качестве прямого адресата выступает преподаватель – руководитель практики, а в качестве косвенного – любой (предполагаемый) читатель дневников, а также будущие поколения студентов.

Основными единицами композиции в большинстве дневников выступают заголовок, введение, подневные записи, отражающие хронологию экспедиции, и заключение. Заголовок включает жанровое заглавие, состав группы и указание на место практики – номинацию географического названия: *Отчет о фольклорной практике студентов ИФФ Лисицы А. 385 Панченко Т. 383 Шелудковой Т. 383 июль 1969 г.* В некоторых дневниках жанровое название варьируется: *дневник, отчет, впечатления, записки, путевые заметки.*

Особенность хронотопа дневников экспедиции заключается в том, что время и пространство

в них выражены эксплицитно, начиная с самого заголовка, а также далее в тексте. Кроме того, каждая запись в дневнике содержит указание на конкретный день, что позволяет объективно отразить ход экспедиции во времени: *1 июля 1969 г. 2 июля. 3 июля. 4 июля. 5 июля. 6 июля. День седьмой. День восьмой. Двухнедельный труд завершен!* Вместе с тем есть дневники, в которых структура изложения отличается от общепринятой: в них отсутствует хронологический порядок, а каждый участник группы описывает свои впечатления о событиях, происходивших с ним.

Информацию о пространстве, маршрутах передвижения студентов во время практики представляет большой пласт топонимов: *Первые деревушки: Берлинка, Цыганово... Почти два часа просидели на мели около Кривошеино; Встали пораньше, пошли в соседнюю деревню Сарафановку, которая находится сравнительно недалеко от Тунгусова: 12 км.; Научились спасаться от собак (а они в каждом дворе, даже одна улица названа Собачья).* Авторы создавали дневники в ходе экспедиции, представляющей собой своего рода путешествие, поэтому значительная часть текста посвящена описанию пути, окружающего пространства, что делает концепт «путь» основным. Поскольку основная задача практики – сбор фольклорных материалов, то в центре внимания также оказывается лексико-семантическое поле «фольклор».

В результате взаимодействия различных дискурсов (дневникового, педагогического, фольклорного, научного) наблюдается внутрижанровое многообразие. В структуре комплексного речевого жанра дневника находят свое воплощение различные речевые жанры, такие как приветствия, прощания, назидания и агитации, отказа и др.: *Вечером мы пишем плакаты, зовущие нас к работе, например, «Даешь фольклор!» (агитация); «Здравствуйте, милые, здравствуйте (приветствие); Прощай, Елгай! (прощание); «В назидание следующим собирателям фольклора мы завещаем: 1) Обращайтесь к жителям 40–50 лет, потому что старушки, кроме молитв, ничего не помнят; 2) Имейте в виду, что со старичком легче договориться, чем со старушкой; <...> 4) Когда вы слышите ответы «не помню, не знаю», не верьте! Сидите и упорно выжидайте. От вашей назойливости сказитель поневоле запоем» (назидание).*

Для дневников экспедиций характерно сочетание вербальных и невербальных средств. В процессе написания первых дневников использовались только вербальные средства, но в более поздних дневниках представлены визуальные средства, такие как фотографии, рисунки, кар-

тинки: *Женя Зырянов щелкал своим фотоаппаратом направо и налево, стараясь запечатлеть самое интересное. На память мы запечатлели их фотоаппаратом.* В первых дневниках также отмечено, что из-за отсутствия в экспедиции магнитофона невозможно было использовать магнитофонную запись: *Наше пожелание: **необходим магнитофон**; Вместе со старушками мы сожалели о том, что **нет с нами магнитофона**, что, кроме нас, никто не услышит этих песен.*

Языковое воплощение дневников характеризуется обилием топонимов и антропонимов, оценочных лексических единиц, номинаций фольклорных жанров, информантов, самих авторов, специальной лексики, лексики, называющей чувства и переживания, фразеологизмов, метафор, эпитетов, сравнений: *«жемчужины для науки», идти на «промысел», «первый блин комом». Поют по всем правилам, с «зачином» и «выносом»; На практике мы встретились с различными видами устного народного творчества: **сказками,***

песнями, заговорами, частушками, былями. Широко представлено использование глаголов в форме настоящего и прошедшего времени, а также перформативных глаголов: *С наибольшей охотой население **исполняло частушки**; Поздние частушки **иллюстрируют** то, что народ определенным образом **отзывается** на вещи, происходящие в селе.*

Заключение

Итак, в проведенном исследовании дневник экспедиции рассмотрен как дискурсивная практика, предложена описательная модель ее анализа. Многоаспектность модели подтверждает тот факт, что дневник экспедиции – это не просто текст, фиксирующий хронологию событий, а сложный конструкт, отражающий взаимодействие дискурсивной и социальной практик. К перспективам данной работы относится более подробный анализ материала по предложенной модели.

Список источников

1. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. Т. 2, № 2. С. 3–21.
2. Воронова Н.Г. Заметки о речевом жанре дневника // Культура и текст. 2005. № 10. С. 194–200.
3. Рабенко Т.Г. Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 302–313.
4. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 21 с.
5. Смолина А.Н. Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистический и теолингвистический аспекты) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 3. С. 800–811.
6. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 118–129.
7. Громова Л.П. Блокадный дневник школьного учителя // Век информации. 2015. № 2. С. 239–272.
8. Максимова А.С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 128–140.
9. Зорина Л.Ю. Дневники студенческих диалектологических экспедиций: особенности жанра и типология текстов // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 287–311.
10. Поплавская И.А. Печатные и рукописные травелоги в книжном собрании барона А.С. Строганова // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 15–39.
11. Комелина Н.Г. Дневник охотника: прагматика, содержание, фольклор // Русский фольклор: материалы и исследования. 2022. № 39. С. 203–213.
12. Пигин А.В. Крестьянские дневники XIX–XX вв. как источники по изучению народной культуры (дневник Г.Я. Ситникова) // Кижский вестник / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник Кижи. 2017. Вып. 17. С. 278–285.
13. Вернадский В.И. «Главная цель ведения таких дневников» (вводные замечания к дневникам наблюдения за развитием сына) // Исследователь/Researcher. 2023. № 1-2 (41-42). С. 152–154.
14. Толвайшис Л.Л., Филипова А.Г. Метод дневников, географический дневник // География детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: тематический словарь-справочник. СПб.: Центр науч.-производ. технологий «Астерион»; Владивосток. ун-т экономики и сервиса. 2020. С. 58–63.
15. Маджаева С.И., Епанчина Л.В. Композиционно-содержательная и речевая структура дневника практики студента-медика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 57–66.

16. Кедяров А.П. Спортивный дневник и его анализ как накопитель личного опыта // Мир спорта. 2021. № 1 (82). С. 102–105.
17. Тавасиева А.З. Замечания в школьных дневниках: лингвостилистические особенности // Риторика. Лингвистика. 2015. № 11. С. 62–67.
18. Новикова Е.Г. Особенности речевого жанра дневника // Язык. Текст. Дискурс. 2005. № 3. С. 80–89.
19. Неклюдов С.Ю. «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный науч. фонд, 2001. Т. 129. С. 4–21.
20. Лашкевич А.В. Личный дневник и жанры «дискурса личности» в контексте межкультурной коммуникации. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 173 с.
21. Волошина С.В. Русские автобиографические практики XX–XXI вв.: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 45 с.
22. Дейна Л.В. Интерпретация писательских дневников на фоне классификации дискурсов // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 759–764.
23. Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
24. Леонова Е.В. Когнитивный механизм интериоризации в дневниковом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, № 1. С. 34–38.
25. Федянина О.Н. «Интересная эта работа!» (дневник диалектологической экспедиции 1945 года) // Advanced science. 2017. № 2. С. 46–62.
26. Светозарова Н.Д. Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В.М. Жирмунского) // Magister Dixit. 2013. № 3. С. 117–123.
27. Фуко М.П. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия: Университетская книга, 2004. 416 с.
28. Ипатова Н.А. Дискурсивные практики в формировании профессиональных сообществ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2009. 23 с.
29. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации / Л.В. Куликова [и др.]. Красноярск: Сиб. федеральный ун-т, 2015. 180 с.
30. Ильина И.Е., Морозова О.Н. Профессиональный дискурс индустрии красоты: от терминологии к убеждению // Современные дискурсивные практики: подходы и решения / В.С. Григорьева, Н.Ю. Бородулина, М.Н. Макеева и др.; под общ. ред. Л.Г. Поповой. Тамбов: Изд. центр ТГТУ, 2023. С. 57–73. URL: <https://tstu.ru/book/elib1/pdf/2023/popova.pdf> (дата обращения: 21.01.2025).
31. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.
32. Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 103–124.
33. Никонова Е.А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 123–139.
34. Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики / Т.А. Демешкина, С.В. Волошина, Н.А. Карпова [и др.]; под ред. Т.А. Демешкиной. Томск: Изд-во Том. гос. ун-т, 2016. 278 с.
35. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity Press, 1992. 259 p.
36. Стеблецова А.О. Когнитивные структуры научного текста: этнолингвистический аспект // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 99–110.
37. Баранов А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 47–57.
38. Богданова Е.В. Языковые особенности жанра дневника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–1. С. 28–33.
39. Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 41–48.
40. Кальщикова Т.А. Дневник как вид коммуникативной деятельности (на материале «Дневника» А. Блока): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2012. 24 с.
41. Кублицкая О.В. Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 1 (33). С. 76–84.

42. Зализняк А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 162–181.
43. Панцеров К.А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.

References

1. Kibrik A.A. Modus, zhanr i drugiye parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 2009, vol. 2, no. 2, pp. 3–21 (in Russian).
2. Voronova N.G. Zametki o rechevom zhanre dnevnika [Notes on the speech genre of the diary]. *Kul'tura i tekst*, 2005, no. 10, pp. 194–200 (in Russian).
3. Rabenko T.G. Aksiologicheskiye dominanty dnevnikovogo zhanra (na materiale lichnykh dnevnikov) [Axiological dominants of the diary genre (on the material of personal diaries)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 2, pp. 302–313 (in Russian).
4. Novikova E.G. *Yazykovyye osobennosti organizatsii tekstov klassicheskogo i setevogo dnevnikov. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic peculiarities of the organization of texts of classical and network diaries. Abstract of thesis cand. of phil. sci.]. Stavropol', 2005. 21 p. (in Russian).
5. Smolina A.N. Model' opisaniya rechevogo zhanra "dukhovnyy dnevnik": osnovnyye parametry i voploshcheniye (stilisticheskiy i teolingvisticheskiy aspekty) [Model of description of the speech genre 'spiritual diary': basic parameters and realization (stylistic and theolinguistic aspects)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2022, vol. 15, no. 3, pp. 800–811 (in Russian).
6. Reyngol'd A.S. Zhanrovyye osobennosti literaturnogo dnevnika i dnevnik kak neliteraturnyy tekst [Genre features of the literary diary and the diary as a non-literary text]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye*, 2010, no. 11 (54), pp. 118–129 (in Russian).
7. Gromova L.P. Blokadnyy dnevnik shkol'nogo uchitelya [Blockade diary of a schoolteacher]. *Vek informatsii – Information Age*, 2015, no. 2, pp. 239–272 (in Russian).
8. Maksimova A.S. Analiz polevykh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekstov [Analysis of field diaries in the context of the production of ethnographic texts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2012, no. 1 (107), pp. 128–140 (in Russian).
9. Zorina L.Yu. Dnevniky studencheskikh dialektologicheskikh ekspeditsiy: osobennosti zhanra i tipologiya tekstov [Diaries of student dialectological expeditions: specific characteristics of the genre and typology of texts]. *Severnoruskiye govory*, 2015, no. 14, pp. 287–311 (in Russian).
10. Poplavskaya I.A. *Pechatnyye i rukopisnyye travelogi v knizhnom sobranii barona A.S. Stroganova* [Printed and manuscript travelogues in the book collection of Baron A.C. Stroganov]. *Imagologiya i komparativistika*, 2016, no. 2 (6), pp. 15–39 (in Russian).
11. Komelina N.G. Dnevnik okhotnika: pragmatika, sodержaniye, fol'klor [The hunter's diary: pragmatics, content, folklore]. *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya*, 2022, no. 39, pp. 203–213 (in Russian).
12. Pigin A.V. Krest'yanskiye dnevniky XIX–XX vv. kak istochniki po izucheniyu narodnoy kul'tury (dnevnik G.Ya. Sitnikova) [Peasant diaries of the XIX–XX centuries as sources for the study of folk culture (diary of G.Y. Sitnikov)]. *Kizhskiy vestnik / Gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i etnograficheskiy muzey-zapovednik Kizhi*, 2017, no. 17, pp. 278–285 (in Russian).
13. Vernadskiy V.I. "Glavnaya tsel' vedeniya takikh dnevnikov" (vvodnyye zamechaniya k dnevnikam nablyudeniya za razvitiyem syna) ["The main purpose of keeping such diaries" (introductory notes to the diaries of observing the development of the son)]. *Issledovatel' – Researcher*, 2023, no. 1–2 (41–42), pp. 152–154 (in Russian).
14. Tolvayshis L.L., Filipova A.G. *Metod dnevnikov, geograficheskiy dnevnik* [The diary method, geographical diary]. *Geografiya detstva: mezhdistsiplinarnyy sintez issledovatel'skikh podkhodov i praktik: Tematicheskiy slovar'-spravochnik* [Geography of childhood: an interdisciplinary synthesis of research approaches and practices: a thematic dictionary-reference book]. Saint Petersburg, Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologiy "Asterion": Vladivostok university of economics and service Publ., 2020. Pp. 58–63 (in Russian).
15. Madzhaeva S.I., Epanchina L.V. Kompozitsionno-soderzhatel'naya i rechevaya struktura dnevnika praktiki studenta-medika [Compositional, meaningful, and speech structure of a medical student's practice diary]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 57–66 (in Russian).
16. Kedyarov A.P. Sportivnyy dnevnik i yego analiz kak nakopitel' lichnogo opyta [Sports diary and its analysis as an accumulator of personal experience]. *Mir sporta*, 2021, no. 1(82), pp. 102–105 (in Russian).

17. Tavasieva A.Z. Zamechaniya v shkol'nykh dnevnikh: lingvostilisticheskiye osobennosti [Remarks in school diaries: linguistic and stylistic features]. *Ritorika. Lingvistika*, 2015, no. 11, pp. 62–67 (in Russian).
18. Novikova E.G. Osobennosti rechevogo zhanra dnevnika [Features of the diary's speech genre]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, 2005, no. 3, pp. 80–89 (in Russian).
19. Neklyudov S.Yu. "Naivnaya literatura": issledovaniya i teksty ["Naive literature": research and texts]. Moscow, Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., 2001. Vol. 129. Pp. 4–21 (in Russian).
20. Lashkevich A.V. Lichnyy dnevnik i zhanry "diskursa personal'nosti" v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii [Personal diary and genres of "personality discourse" in the context of intercultural communication]. Izhevsk, Udmurt State Universitety Publ., 2014. 173 p. (in Russian).
21. Voloshina S.V. Russkiye avtobiograficheskiye praktiki XX–XXI vv.: kognitivno-diskursivnyy aspekt. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Russian Autobiographical Practices of the XX–XXI centuries: cognitive-discursive aspect. Abstract of thesis doc. of philol. sci.]. Tomsk, 2024. 45 p. (in Russian).
22. Deyna L.V. Interpretatsiya pisatel'skikh dnevnikov na fone klassifikatsiy diskursov [Interpreting writer's diaries against the background of discourse classification]. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 4, p. 759–764 (in Russian).
23. Voznesenskaya I.M. Dnevnik: osobennosti semanticheskoy struktury i rechevoy organizatsii [Diary: peculiarities of semantic structure and speech organisation]. *Mir russkogo slova*, 2006, no. 3, pp. 41–48 (in Russian).
24. Leonova E.V. Kognitivnyy mekhanizm interiorizatsii v dnevnikovom disкурse [Cognitive mechanism of interiorisation in diary discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2014. vol. 14, no. 1. Pp. 34–38 (in Russian).
25. Fedyanina O.N. "Interesnaya eta rabota!" (dnevnik dialektologicheskoy ekspeditsii 1945 goda) ["This job is interesting!" (diary of a dialectological expedition in 1945)]. *Advanced science*, 2017, no. 2, pp. 46–62 (in Russian).
26. Svetozarova N.D. Otchyoty ob ekspeditsiyakh kak unikal'nyy istochnik informatsii (na materiale fol'klorno-dialektologicheskikh ekspeditsiy V.M. Zhirmunskogo) [Expedition reports as a unique source of information (based on the folklore and dialectological expeditions of V.M. Zhirmunsky)]. *Magister Dixit*, 2013. no. 3, pp. 117–123 (in Russian).
27. Michel Foucault *L'archéologie du savoir*, Paris, Gallimard, coll. Bibliothèque des Sciences humaines, 1969. 288 p. (Russ. ed.: Fuko M.P. *Arkheologiya znaniya. Perevod s frantsuzskogo M.B. Rakovoy, A.Yu. Serebryannikovoy*. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., Universitetskaya kniga Publ., 2004. 416 p.)
28. Ipatova N.A. Diskursivnyye praktiki v formirovanii professional'nykh soobshchestv. Avtoref. dis. kand. sots. nauk [Discursive practices in the formation of professional communities. Abstract of thesis cand. soc. sci.]. Saint Petersburg, 2009. 23 p. (in Russian).
29. Kulikova L.V. et al. Diskursivnyye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii [Discursive practices of modern institutional communication]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2015. 180 p. (in Russian).
30. Il'ina I.E., Morozova O.N. Professional'nyy diskurs industrii krasoty: ot terminologii k ubezhdeniyu [Professional discourse of the beauty industry: from terminology to persuasion]. *Sovremennyye diskursivnyye praktiki: podkhody i resheniya*. Eds. V.S. Grigor'yeva, N.Yu. Borodulina, M.N. Makeeva et al. Chief ed. L.G. Popova. Tambov, TSTU Publ., 2023. Pp. 57–73 (in Russian). URL: <https://tstu.ru/book/elib1/pdf/2023/popova.pdf> (accessed 21 January 2025).
31. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudayemaya real'nost' [Discursive practice as an observable reality]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*, 2011. no. 4. Pp. 227–232 (in Russian).
32. Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E. Sotsial'naya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i diskursivnogo analiza [Social Representation through Language: Theory and Practice in Sociolinguistics and Discourse Analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 103–124 (in Russian).
33. Nikonova E.A. Diskursivnaya praktika i kommunikativnaya strategiya: eklektika vs poliparadigmatizm? [Discursive practice and communicative strategy: eclecticism vs polyparadigmatism?]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 6, pp. 123–139 (in Russian).
34. Demeshkina T.A., Voloshina S.V., Karpova N.A. et al. Portrety rechevykh zhanrov: raznyye diskursivnyye praktiki [Portraits of speech genres: different discursive practices]. Ed. T.A. Demeshkina. Tomsk, TSU Publ., 2016. 278 p. (in Russian).
35. Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge, Polity Press, 1992. 259 p.
36. Stebletsova A.O. Kognitivnyye struktury nauchnogo teksta: etnolingvisticheskiy aspekt [Cognitive structures of scientific text: ethnolinguistic aspect]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2022, no. 2 (52), pp. 99–110 (in Russian).

37. Baranov A.G. Rechevoy zhanr v sisteme diskursivnykh struktur [Speech genre in the system of discourse structures]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2015, no. 2 (8), pp. 47–57 (in Russian).
38. Bogdanova E.V. Yazykovyye osobennosti zhanra dnevnika [Linguistic features of the diary genre]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2008, no. 1–1, pp. 28–33 (in Russian).
39. Voznesenskaya I.M. Dnevnik: osobennosti semanticheskoy struktury i rechevoy organizatsii [Diary: peculiarities of semantic structure and speech organisation]. *Mir russkogo slova*, 2006, no. 3, pp. 41–48 (in Russian).
40. Kal'shchikova T.A. Dnevnik kak vid kommunikativnoy deyatel'nosti (na materiale "Dnevnika" A. Bloka). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Diary as a kind of communicative activity (on the material of A. Blok's 'Diary'). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhniy Tagil, 2012. 24 p. (in Russian).
41. Kublitskaya O.V. Putevaya proza: zhanr, stil', diskurs, narrativ (itogi i perspektivy izucheniya) [Travelling Prose: Genre, Style, Discourse, Narrative (Results and Prospects of Study)]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Mari State University*, 2019. vol. 13, no. 1 (33), pp. 76–84 (in Russian).
42. Zaliznyak A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: towards the definition of a genre]. *Novoye literaturnoye obozreniye – New Literary Observer*, 2010, no. 6 (106), pp. 162–181 (in Russian).
43. Pantserev K.A. Putevoy ocherk: evolyutsiya i khudozhestvenno-publitsisticheskiye osobennosti zhanra. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Travelling essay: evolution and artistic and journalistic features of the genre. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2004. 24 p. (in Russian).

Информация об авторах

Катышева Е.Н., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: uu-kate@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0291-7576>; SPIN-код: 4747-7963;

Researcher ID: MYS-4006-2025.

Волошина С.В., доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: vsv1304@yandex.ru; ORCID 0000-0001-9860-0159; SPIN-код: 1615-2021; Researcher ID: O-5706-2014;

Scopus ID: 57194974788

Information about the authors

Katysheva E.N., graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: uu-kate@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0291-7576>; SPIN-code: 4747-7963;

Researcher ID: MYS-4006-2025.

Voloshina S.V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: vsv1304@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9860-0159>; SPIN-code: 1615-2021;

Researcher ID: O-5706-2014, Scopus ID: 57194974788

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 26.09.2025

The article was submitted 02.06.2025; accepted for publication 26.09.2025